

Георгий: В 41-я пришли немцы. В 45-м, в 44-м все менялось (пауза).

Корр.: Все со временем остепенится, конечно.

Георгий: Да, со временем все урегулируется, вы знаете, что жизнь, она и есть жизнь, и никогда она легкой не была, это легкая она для тех, кто эксплуатирует чужих людей (пауза).

Корр.: Теперь скажите, пожалуйста...

Георгий: Я родился в Литве, в Семялишках, Семялишский район, деревня Пастравня, в 1933 году. И жил во время войны в этом самом месте. А после войны переехал в 46-м году сюда, в Вильнюсский район.

Корр.: Скажите, пожалуйста, какого числа какого месяца вы родились, и назовите...

Георгий: Родился 20 мая... или что еще?

Корр.: И ваше имя, отчество и фамилию.

Георгий: Станченок Георгий Владимирович, 20 мая родился, и жил там и до войны, и во время войны, и после войны переехал сюда (пауза).

Корр.: Как жила ваша семья?

Георгий: семья наша была из девяти человек, потому что нас пятеро было, отец и мать, еще дедушка с бабушкой с нами вместе жили. 12 гектаров земли, хозяйством занимались. Специальностей там никаких не могли иметь, потому что отец - простой крестьянин был. И мы помогали по мере сил и возможностей.

Корр.: Как считалось, вы там богато жили, по сравнению с другими?

Георгий: Какое там богато? Ну, в середняках, можно сказать. Две лошади было, три коромы, имели, так сказать, уже достаток в семье, хлеба хватало, и всего хватало понемножку. Не с рокошью, но одеты, обуты все были. Отец после 12-14 года остался здесь от деда с Украины. Сам он по национальности был... с Западной Украины, понимаете, его предки когда-то были. А мать местная. Мать родилась в Соединенных Штатах, потому что дедушка с бабушкой поженились там и пять лет там жили. И потом приехали сюда на постоянное место жительства. И здесь уже с отцом познакомилась мать, выходила в 18 лет замуж, отец после армии, брали в 19 лет в армию литовскую, так он после армии женился, уже на двадцатом году, молодой женился. Потому что нужно было хозяйство, нужно было скотину смотреть, вот так и поженились.

Корр.: А как они оказались, дед ваш?

Георгий: Когда Наполеона прогоняли, здесь делили землю, понимаете, этих военных. Кто хотел, не возвращался, или не имел, куда вернуться, это большая история. Так им давали здесь в Литве землю. И почему здесь вот и русских много осталось, и других национальностей, в Литве? Потому что смешанные. Поляки и русские. Это период такой был, значит, военный, связанный с войной. Ну так он и остался, по десять гектаров земли давали. Потом дедушка докупил еще два гектара. Потому что имел три сына, хотел каждому по кусочку. Так и земля наша на плане была поделена на квадратики. Один старший самый брат отца в Америке похоронен, в Аргентине, там он похоронен. Жил, уехал на заработки туда. Там умер, недавно, три года тому назад, как умер. Корр.: сестре писал он, к сестре моей писал, значит, письма. А младший брат похоронен с отцом вместе. От чахотки умер, рано, в тридцать лет. В возрасте тридцати лет он умер.

Корр.: А вы по счету какой ребенок были?

Георгий: Я первый. Я был первый в своей семье. А нас пятеро. Самая младшая умерла. А четверо мы живем. Брат здесь вот, в Белой Воке живет, а сестра здесь в Панарах живет, одна в городе живет сестра, средняя. Все живы, вот такое положение у нас. Поэтому такое страдание получилось, что в период в этот жили, это все видели. Вот как я вам говорил. Отца забрали на трое суток, на четверо. Мы не знали, где он. А он оказывается копал там могилы для евреев, которых сгоняли на убийство. А они не знали, они думали, что для военных целей каких, копали траншею эту. А мы же не знали, дети. И вот такой период. А потом уже, когда расстреляли, а другие закапывали, так мы узнали, что это еврейские семьи сямляшские там, и с Аукштадвариса были, и из населенных пунктов, из деревень ближних.

Корр.: Теперь вот расскажите - тут евреи в деревнях жили? В вашей довоенной...

Георгий: В каждой деревне был магазинчик. А магазинчик кто держал? Еврей. Потому что у них способности, у них то, может... ум, интеллектуальные люди. И они занимались бизнесом.

Там такой и бизнес. нужно было керосин, спички, соль, сахар и все такие мелкие продукты, конфетки детям, ну что там еще. С одежды что-нибудь, мелочи. Но это все нужно было. И почти в каждой деревне, покрупнее где, и жили эти семьи.

Корр.: И в вашей деревне тоже?

7:56 Георгий: ...был Шмуля. И его семью. Его два сына, работал один на "Аушре" фотографом, сейчас не знаю, наверно, умерший. Один работал на "Аушре", здесь вот, в фотоателье, после войны. А некоторое время они у нас жили в сене, там стог сена был и прятались от оккупантов немцев, чтобы не расстреляли. А потом кто-то уже видно пронюхал, что ходили и что, так они, значит, ушли от нас. Ушли в литовскую деревню. потом их поймали все-таки, семью. Этих двух, они успели уйти, молодые, в партизанский отряд, а семью их все равно поймали и расстреляли в Семялишках.

Корр.: В самих Семялишках, да?

Георгий: Да.

8:40 Корр.: А вот сразу после, когда убивать начали, вы были первые, к кому они прибежали?

Георгий: Да, они были первые. Почему? Потому что у отца, знаете, уже там была мельница. У нас деревня смешанная, и литовцы, и русские. У отца такой характер был, что он любил помочь людям. Как-то вот обращались к нам. В 40-м году был даже в сельсовете, там, значит, участвовал, там в этих... таких... Так что как ..., как приятель, доверялись. Хранили раньше как? Хранили друг друга. Не смотрели на нацию, кто ты и что ты. Человек, значит, нужно было по христиански отнестись. Как это в Божьих писаниях. Все равно нужно помощь какую-то оказать, притом, что они с малыми детьми были. Они же не были еще стариками в то время. Два сына у них уже были взрослыми, а еще двое детей имели поменьше. И они пришли к нам.

9:50 Корр.: Сколько их человек пришло?

11:06 Георгий: Пять человек было в семье у них. Двое малых детей и двое их. А эти сыновья уже были в партизанском отряде. Но они навещали, приходили. И вот этим навещанием, видно, соседи, хотя дальше жили, заметили, что кто-то посторонний ходит. Знаете, это деревня, как только человек появился какой посторонний, значит, все. Должны были они от нас уйти. Все равно четыре года период большой, сохранить в сарае, это нужно было понимать. И так в баню раз они ходили за эти две недели, потому что выйти нельзя, это ночью нужно было, когда пурга была, темно, никто не видел, чтобы не заметили. Это было сложно, тревожно. Дети только видели, не спали. Когда им кушать носили, сначала шли к одному сараю, а потом к другому, с кошелкой. В сарай, где они кушают. И из сарая также, чтобы не заметили, что не из дома пошел с кошелкой, уже из дома было бы подозрительно. А так к одному сараю, потом ко второму, чтобы не было следов никаких, не оставалось.

Корр.: Чтобы казалось, что между сараями они ходят...

Георгий: Ходили, скоту подавали или что, вот такое положение у нас, понимаете.

11:37 Корр.: Вот, кстати, они прибежали от этого места, где убивали их, да?

Георгий: Нет, они из дому. А потом в гетто их забрали и расстреляли. Самое уничтожение началось с конца 42-го года и начала 43-го, самое уничтожение. А так они в гетто с Жасляй были, их держали, так отпускали побираться, как сказать, хлеба там попросить. По деревням ходили свободно. Не все, там, значит, надзиратель такой выпускал их из гетто в Жасляй. И они там, значит, ходили по деревням, кто хлеба, кто сала давали. (раньше какое питание было!) кто что мог, давали им, они только за питание. То ли давали вещи какие, вот костюмы имели, или из ценных вещей что-то имели, часы там или кольца. Меняли, короче, каждый хотел жить и кушать. А может, мы давали какую похлебку, конечно. Они могли сначала 42-года, вот когда их позабирали, то их пускали из лагеря. Даже они работали там, дорогу строили. Вот так их выводили на работу.

Корр.: Шмуля - это имя, а фамилия как их была?

Георгий: А фамилию я вам не скажу, потому что, понимаете, вот я еще не интересовался раньше фамилиями. И фамилию я вам не скажу.

Корр.: Просто в деревне люди называли по именам.

Георгий: По именам. Вот и было: сходите к Шмуле... там то, то, то взять.

Корр.: Они у вас были единственная семья в деревне? Шмуля?

13:34 Георгий: Да, единственная. Потому что в Семьялишках было шесть семей. Вот там и эта женщина. Шесть или семь, я не скажу вам точно; но было очень много. Там одни имели магазин с мукой, вторые имели там с мануфактурой, третьи керосин. Вот, занимались бизнесом. Аптеку имел один еврей, свою собственную аптеку.

Корр.: А у вас был только один Шмуля, да?

Георгий: Да, с семьей.

Корр.: Ну, расскажите, какие были отношения с этой еврейской семьей, Шмулей?

14:23 Георгий: Вы знаете, я вам скажу, что отношения какие. У нас раньше на этой почве не было никаких понятий. Мы ходили в школу, и литовцы, и поляки, и русские, и евреи, ходили в одну школу. Занимались физкультурой там, или на каких-то уличных занятиях выводили, на перемене разговаривали по-литовски, на перемене разговаривали по-русски. Был у нас в основном русский, литовский, ну и польский еще. Вот с деревень с польских еще приходили. Так вот, это смешанный. И никаких розней не было, играли вместе все, росли вместе и все. Притом я учился, у нас было с первого по четвертый класс, и четыре доски на стенке там, каждый класс имел свое занятие, один учитель преподавал. За сорок там минут или за тридцать минут он должен был сказать и первому классу, и второму, и все сидели, муха пролетит, все слышно было. Это не так, как сейчас: я вот хочу, не хочу отвечать. Этого не было. была линейка, было по ладошке, было горох у нас в углу, если нужно было кого-то поставить в наказание, но розней не было никаких. Мы вот привыкли жить, что не ощущали этих вот отношений. На национальность никто не смотрел как-то. Может, там взрослые, может, по пьянке где-то, когда-то или что-то, может, творили, но это к нам не доходило. У нас в деревне Станчики, Пелюццы, Паастраве - это все деревни, которые, значит, относились ко всем национальностям. И никто ничего не делал из этого. Никаких выводов не было.

16:22 Корр.: Ну а у родителей, у старших, может быть, вы помните, какие были отношения, там ну...

Георгий: Ну помню то, что вот отец в Трогронде, на горе у лесника крестил ребенка, у литовца. Вот русский, а крестил у литовца ребенка, сына крестил. Это такое уже душевное отношение. Нужно было пригласить человека на крестыны не только, а крестил ребенка, кумом был. Так что тут не было таких расхождений никогда.

Корр.: Хорошо. Теперь, Георгий Владимирович, вот, может быть, мы перейдем немножко к войне. И вот нас интересует, мы спрашиваем многих людей. Как в вашей памяти отразилось начало войны? Как она началась? И причем попробуйте вспомнить самые, может быть, первые дни перед войной. То есть вот было у вас какое-то ощущение, что что-то произойдет? Или жизнь текла совершенно мирная и ничего...

17:39 Георгий: Очень мирно текла. Понимаете, отец поехал на мельницу молоть зерно, для скота еще там, что осталось от посевов зимних. Нужно было приготовить, что скоту нужно и лошадям там всем, кормежку. И там у мельника был радиоприемник. У него на электричке, но местные, как мельницу турбина эта крутила. И они слышали. И отец быстренько приехал домой, не докончив там это. Потому что почувствовал что-то нехорошее. И через три часа пошла армия немецкая и все. После этого сигнала, когда мы узнали, что уже вот. А так приемников же не было, сообщения никакого не было, местечко хоть четыре километра, но это не центр, это не город, что вот огромный там Каунас, или какой. Это был провинциальный городишко, так что они приехали... Так уже, может, кто знал. Но заранее никто не знал.

19:07 Корр.: Вы не помните, чтобы у вас, у детей, было какое-то предчувствие, что что-то, какое-то напряжение... Георгий: Было напряжение такое, что, значит, когда армия только пришла, эти интенданты начали ездить с мотоциклом. А у них к мотоциклу был приделан бак, тридцатилитровый бак алюминиевый на молоко. И они ездили, собирали молоко, понимаете, по квартирам. А моя мама когда-то служила у евреев в Каунасе год, служанкой. Когда отец еще был в армии, но они не знали. Ну, просто служила в Каунасе, и она немножко понимала по-немецки. И они приехали "матка милая", ну она, значит, я, может, неправильно приношу это вот, не учил этого. Ну, она поняла, то молока хотят. У нас три коровы были. Было отстойное молоко и это. Так мы налили ему молока в бидон. Ну он: "Данке, данке" и поехал. Какое впечатление? Мы вышли все дрожая, понимаете, думали, что... он же с

20:25 автоматом на шее, думали знаете как? Война есть война, никаких не было предчувствий, что вдруг он не нажмет на курок и не расстреляет всю семью. Так мы вышли в таком ощущении неприятном. Когда уже он уехал, облегчилось это состояние, но стресс был. Всей семьей вышли, вместе за руки державшись, когда он приехал на мотоцикле, потому что и этих мотоциклов мы не видели, и всего этого. А потом уже как-то успокоилось, привыкли. Приезжали и потом, собирали курей, так другое, третье. Так это уже было как обычно. Так вот этот стресс я помню, такой был, что вот вышли мы всей семьей.

Корр.: А вот первый день войны, когда уже прошла немецкая армия, чем вы занимались?

Георгий: Мы пасли коров возле самой дороги и все смотрели, машины поехали. Сначала легковая приехала, черная, такой лимузин. Остановились, там у нас криница такая, пруд, прудок такой возле дороги, они мыться пошли, набрать воду и все. И ничего не было, впечатления только, что они позвали, дали консервы, дали по баночке консервов. Нас там было много, так они посмотрели постарше кому, мне досталась баночка, соседу. Вот это дали. Это первая машина, в лимузине были, по-видимому, офицеры, потому что в одеянии довольно чистом, приличном, хотя запыленном. Вот такие наши детские впечатления.

Корр.: Первые.

Георгий: Первый день войны, пошла колонна военная и санитарные повозки, на лошадях больше ехали. Санитарные все повозки были на лошадях, две лошади запряжены, они вот по дороге ехали.

22:30 Корр.: Так они должны были так немножко расположить к себе, что ли?

Георгий: Броде расположить. Они спросили, можно ли, мы не понимали, можно ли эту воду пить или употреблять. Это пруд, понимаете, прудок такой, там криница. Там была натуральная чистая, родниковая вода. Они не знали, спросили, можно ли пить. Показывали... что пить, ну и дали нам попробовать сначала, мы пробовали, дети вот попили все, тогда они быстренько воду брали там своими принадлежностями и пошли мыться. Разделись до пояса, догола и мылись, кто брился, кто мылся. Это возле самой дороги стоял их лимузин, они никуда не заезжали, ничего, и вот такой первый день.

Корр.: Вы уже знали, что идет война? Вам отец сказал?

23:44 Георгий: Да, уже отец сказал, уже мы видели совсем другие одеяния, потому что русских солдат мы не видели почти, в районе их там не было, когда в 46-м году они приходили. А вот уже когда немцы пришли, мы уже увидели, что это другая форма, и литовские знал, я уже знал отца форму литовскую. Смотрю, не такая форма, вот по форме только узнали, что это уже...

Корр.: А что было на второй, на третий день?

24:00 Георгий: Жизнь пошла своим чередом. Сначала ничего не было. Где-то месяца два спокойно было, никаких разрушений. Правда, убийство одно произошло. Ехал сосед, соседа сын на велосипеде с Семялишек, и они ехали. А потом он повернул к себе домой на дорожку, тропинку. Они начали кричать, что "остановись". Они, когда он ехал в колонне вместе с ними с велосипедом, никто не проверял, потом офицер видно додумался проверить, кто он такой, знаете, все-таки время военное, мужик, мужчина. Вот он только отклонился, метров двадцать проехал, они начали кричать "остановись!" Он не остановился, как ехал, он не понял. Они кричали "хальт" или "альт", как это. Ну и он не остановился. И его убили. Солдат из автомата очередь прошил. Вот после этого инцидента, вы знаете, как-то на душе у всех неприятность получилась. Все-таки молодого чловека. Люди не поняли, за что его убили, чтобы он дрался с солдатами или что-то там такое происходило с этими немцами, или отговаривался, или что-то, а то он просто ехал к дому уже. Потом, когда переводчик пришел и следовательно там какие пришли, разобрались, невинный человек погиб. А раньше воспринимали это очень болезненно.

25:34 Корр.: В эти дни вот эта еврейская семья, она спокойно жила?

Георгий: Жила спокойно, торговала еще и все. Это шло чередом. А потом, когда уже объявили о сгоне... аресты все эти еврейские начались. Тогда и их забрали. В деревнях это в последнюю очередь их забирали. Потому что они знали, инкуда они не денутся. Поэтому их забирали в последнюю очередь в деревнях.

Корр.: И вот эту вашу деревенскую еврейскую семью, их повезли в гетто, да?

Георгий: Да, когда уже забрали от нас. Извините, не от нас. А когда они ушли от нас в другую семью. И там кто-то доказал, что они там находятся, и немцу приехали, окружили и забрали, увезли.

Корр.: Так они вначале пытались спрятаться у других людей?

Георгий: Да.

26:35

Корр.: Их увезли в гетто, а из гетто они уже пришли к вам?

Георгий: Нет. Они пришли с дома к нам. С гетто уже никто не пришел. Кто попал в гетто, тот попал под нож или под смерть. Они пришли из дома к нам прятаться сразу. Когда объявили, что уже приедут забирать, они тайком ночью пришли к нам.

Корр.: Ну а эти первые убийства евреев, которые произошли в Семялишках, они произошли ведь наверное... когда?

Георгий: В 42-м году.

Корр.: В Семялишках?

Георгий: В 43-м.

Корр.: А до сорок третьего там не убивали?

Георгий: Не убивали, в гетто держали. Ловили их, собирали с деревень, а потом уже начали собирать...

Корр.: А я думал, что расстрел в Семялишках был в сорок первом году сразу летом, нет?

Георгий: Не был. В сорок первом году был. Было как сказать... а, может быть, я уже запутался немножко с памятью. Да, в сорок первом, вы правы. Я годы не записывал, вот. В сорок первом, когда начали собирать их в гетто, и кто не попал в гетто, их расстреляли там в Семялишках, в конце сорок первого года.

27:56

Корр.: В конце, да? Так это какой месяц был?

Георгий: Ну, я вам не скажу месяца, тяжело мне.

Корр.: Но к концу года уже?

Георгий: Да.

Корр.: Где-то ноябрь, декабрь?

Георгий: Но... грунт был незамерзший.

Корр.: И вот вашего отца, как рассказывали, когда взяли копать ямы...

Георгий: Ну так не только отца, а там было человек двадцать со всех деревень, потому что траншея длинная, огромная, так они копали.

Корр.: И тогда вот они пришли после всего и рассказали, да?

Георгий: Они пришли и рассказали... мы узнали не тогда, а когда расстреляли уже. Отец сам не знал. Думали, что для военных целей каких копали, а оказалось, для похорон людей, для убийств этих.

Корр.: То есть люди даже не могли допустить, что тут будут расстреливать?

29:18

Георгий: Нет, не в коем случае, потому что закапывали совсем другие люди, и закапывали те люди уже, которые прислуживались, которые уже были доверенные, чтоб не оставить свидетелей. Это же делалось тоже, чтобы свидетелей не было.

Корр.: А те люди, как ваш отец, другие, они только раскопали...

Георгий: Выкопали и их отпустили, и все, ничего не говорили, ничего. Они думали, что сами себе роют могилы. Вот такое впечатление, когда отец пришел, сказал: "Что все мы думали, двадцать человек там, что себе роют такую траншею". Никто не знал, зачем и почему.

Корр.: А как они себе это объяснили, почему бы их могли убить?

Георгий: Потому что, знаете, война. Как объяснить? Это очень тяжело объяснить, и непонятно. Уже когда начались, как я вам сказал, вот этого парня убили, тогда уже люди почувствовали, что это война и действительно может быть несчастный случай от оружия. Не то, что там... Такое впечатление.

30:36

Корр.: Ну хорошо, а вот эта семья Шмуля, вот когда их забрали в гетто, что стало с их домом?

Георгий: Дом стоял некоторое время, а потом сожгли.

Корр.: Почему?

Георгий: Ну, не знаю, почему. Он стоял на перекрестке возле мельницы, на перекрестке трех дорог. На ^{Белой} Семялишкес и Жасляй и...

Корр.: И кто его сжег, этот дом?

Георгий: Мне не известно, я не знаю лично, кто там сжег, кому-то мешал. Кому-то мешал...

Корр.: Но там никто не жил? Он пустой?

Георгий: Уже пустой. Кузнец был поселившись на две недели или три, наверное, дочку свою там, кузнец рядом, литовец жил, а потом выбрали оттуда или ему кто-то сказал, что нельзя там, или как, я не знаю этого.

Корр.: Ну а все их богатство? Все равно там если был дом, там была мебель...

31:37 Георгий: Богатство, когда уже это все забирали немцы. Все забирали, пригоняли машины и забирали. Ну вы знаете, в деревне какое богатство? Мебель там, ну и вещи какие там. Лучшее брали там в канцелярию куда-то, куда нужно было. А остальное, что там? Что там в деревне? У него прилавки были в магазине и все.

Корр.: Ну а товары все эти?

Георгий: Ну так товары забрали сразу, пригнали машины, товары забрали все. Бочки с керосином стояли в подвале у него, так чтоб не загорелось. Подвал около дома был, такой вот как у меня тут вырыт. Отдельно от дома немножко подвал. И там бочки с керосином он держал.

32:30 Корр.: Это уже взяли, когда их отвели в гетто? Или... они еще...

Георгий: Когда в гетто отвели уже. Тогда официально видно получилось и все. А так бы сенюнас*закрывши на пломбы там какие, ну на замки. Никто туда не входил в этот дом. Потом пригнали машину и забрали все.

Корр.: То есть закрыли на пломбы, когда их угнали в гетто, да?

Георгий: Да. Когда уже их дома не было.

Корр.: Ну а скажем, когда они жили в деревне, они торговали все это время, да?

Георгий: Сначала вот. Пока жили в деревне, пока официальные документы не пришли, они...

Корр.: Когда их забрали в гетто?

Георгий: Вот в каком месяце не помню. Не знаю. Уже от нас они уехавши были, и их забрали.

Корр.: Ну а скажите, пожалуйста, вот... (пауза)

33:45 Теперь вот меня интересует вот этот расстрел, который произошел в Семялишках. Вашего отца отпустили, а кого там расстреляли? Каких евреев там расстреляли? Вот Шмүлю вашего оставили, да? А там расстреляли кого?

Георгий: Со всех деревень, этос Аукштавариса, с Жасляй, не с Жасляй, а тут вот с этих деревень, от Аукштавариса, с этих деревень привозили от Стревы, вот отсюда привозили, и свозили там эти семьи и там расстреляли в Семялишках.

34:22 Корр.: А кто там расстреливал?

Георгий: Я же не присутствовал, не знаю. Может, вот женщина эта подскажет. Кто, она видела. чья власть была, тот и расстреливал.

Корр.: ну а местные какие-то? или...

Георгий: Были и местные, были и немцы

Корр.: А местные кто? Я спрашиваю не фамилию, ну скажем... Меня просто интересует вот часто... (пауза).

* глава городка